УДК 340.12 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-25-32

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ НАУЧНОЙ КРИТИКИ В СРЕДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КОЛЛАБОРАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ ПРАВА В НАЧАЛЕ XX В. (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. ПАЛИЕНКО И К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А.С. ЯЩЕНКО)

Леусенко Дмитрий Александрович кандидат философских наук, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail:ld08@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается формирование основ научной критики в среде коллаборации выдающихся представителей русской юридической мысли. Автор уделяет внимание проблеме восприятия элементов теоретических положений представителей российского интегративизма на фоне анализа причин теоретических затруднений интегративистов, повлиявших на незавершенность их проекта, и рассмотрения ведущих тем методологических дискуссий Б.А. Кистяковского, Н.И. Палиенко, А.С. Ященко с Г. Кельзеным, Р. Штамммлером. Анализируется научная литература, посвященная содержанию базовых проблем научной критики применительно к общим теоретическим конструкциям интегративистов, и делается вывод о значительном вкладе представителей интегративного правопонимания в развитие отечественной и зарубежной юридической науки.

Ключевые слова: *научная критика, коллаборация, интегративизм, интерпретация, превращенная форма, социальная норма, сущность и существование, реальность права, деконструкция, социогенез, правогенез.*

Становление теории научной критики является одним из наиболее приоритетных направлений в развитии современной юридической науки. На протяжении длительного времени в отечественной науке критика мировоззренческой позиции ученого превалировала над научной критикой теоретических взглядов. В современных условиях мы можем наблюдать целый ряд научных статей маститых правоведов и молодых авторов, содержание которых сводится к своеобразному пин-понгу мнений[1], когда научная критика подменяется пересказом позиции того или иного автора по теме исследования и выражением согласия или не согласия с ней. Между тем, для русской школы права традиционно была характерна серьезная научная полемика, отражающая уровень развития отечественной правовой науки.

Российские правоведы в союзе с западноевропейскими теоретиками права сформировали фундаментальные темы исследований на последующее столетие. Природа права, представляющая собой главный объект исследования в рамках интегративного понимания права, является одной из таких тем. Следует выразить глубокую призна-

[1] Позволим себе подобный термин; термин «пин-понговая» дипломатия увидел свет в работах, посвященных истории дипломатических отношений, используется как для описания примера действия «мягкой силы» дипломатии с использованием спортивных мероприятий в американо-китайских отношениях в 70-е гг. прошлого столетия, так и для квалификации того диалога мнений, который сложился в российско-японских отношениях по вопросу о спорных территориях Курильской гряды, когда стороны обмениваются высказываниями по одной и той же проблеме.

тельность директору центра правовых исследований Южно-Российского института управления РАНХиГС проф. Д.Ю. Шапсугову [1], опубликовавшему статью о концепции и критериях научной критики в юриспруденции. В данной статье автор поднимает вопрос о роли научной критики в уточнении представлений об объекте исследования в юридической науке, преодолении того кризиса, в котором находится теоретическая юриспруденция, о значении серьезной и вдумчивой работы над теоретическими конструкциями новых и уже хорошо известных авторов.

Для интегративного правопонимания вопрос о становлении и развитии научной критики в рамках отечественной коллаборации исследователей интегративной природы права в определенном смысле представляет собой шанс на признание научного факта существования такой теоретической конструкции интегративизма, поскольку до сих пор для большинства представителей юридического сообщества содержание интегративной концепции является сложным для восприятия. Представители интегративного понимания природы права вели серьезную, порой ожесточенную, научную полемику с представителями отечественной и зарубежной юридической науки, отечественной социологии, и в рамках этих действительно научных дискуссий мы можем увидеть общий теоретический контур, общие элементы их теоретических конструкций, общность тех интерпретационных схем, которые до сих пор остаются не вполне ясными представителям отечественной правовой науки.

Весь драматизм ситуации заключается в том, что отечественные правоведы предвосхитили зарубежных исследователей в тех или иных элементах теоретических конструкций на тридцать и более лет, а в постановке вопроса о роли изучения социальной нормы для развития методологии социальных наук и необходимости специальной теоретической конструкции для анализа природы общественных отношений и процесса объективации нормы, зарубежная социологическая наука смогла выдвинуть адекватные теоретические наработки только к концу 80 – 90-х гг. XX в.[1] .

[1] Приведем только два примера, для того чтобы понять, насколько важными для представителей зарубежной науки были теоретические исследования русских интегративистов. После публикации кандидатской диссертации Б.А. Кистяковского в Германии (данная работа до сих пор представляет редкость и была выпущена очень малым тиражом) М. Вебер, профессор по кафедре теории права, не пропускал ни одной публикации Б.А. Кистяковского. Кроме того, они были знакомы лично, Кистяковские проживали в доме Веберов в период жизни в Германии, а вся научная периодика по теме России была подготовлена немецкому социологу Б.А. Кистяковским. И второй факт: один из основателей Чикагской школы американской социологии Р.Парк, прочитав работу Б.А. Кистяковского, спустя несколько дней переехал в Гейдельберг для того, чтобы участвовать в семинаре учителя Б.А. Кистяковского по научному семинару В.Виндельбанда. Е.Ю. Пермяков называет период, последовавший вслед за революционными событиями в России, периодом «крушения права», породившим проблему «эмпирических оснований юридической науки» (См. Пермяков Ю.Е. Российская теория права: вызовы времени и ответы истории // "Lex Russica", 2015, N 10, С. 19). Однако применительно к интегративному пониманию права дело было не только в этом. Другой стороной медали подобного теоретического прорыва стала незавершенность, фрагментарность концепции интегративного понимания природы права, что, безусловно, сказалось на ее восприятии современными исследователями. Определяет, уже невольно, Е.Ю. Пермяков и другую проблему современного правопонимания, о которой уже писали исследователи старшего поколения (Власенко Н.А.): отсутствие достаточной степени владения философскими категориями. Так, Е.Ю. Пермяков приводит мнение белорусского коллеги о том, что для современного правоведения особое значение имеет задача «обналичивания», т.е. выведения на поверхность тех аспектов правового бытия, которые были ранее недоступны классической методологии». Солидаризируясь с автором в том, что необходимо совершенствовать понятийный аппарат современной юридической науки, следует все-таки отметить, что «обналичивание» как «незаконный перевод безналичных денежных средств в наличные деньги с целью хищения или уклонения от уплаты налогов» не может адекватным образом помочь в преодолении теоретических проблем, возникающих при рассмотрении сложной природы права. Для того чтобы охарактеризовать «выведение на поверхность» есть понятие о эпистемологической программе, о процессе объективации, наконец, превращенной форме. Более того, обналичивание является незаконным, а, следовательно, отражает личный корыстный интерес, и не может даже в самом слабом приближении, отражать закономерности развития экономических процессов.

Следует сказать о специфике становления интегративного проекта в отечественной науке в начале XX в., повлиявшей на восприятие интегративного понимания права в нашей стране в новейшее время. Главной, определяющей чертой его развития является нонфинитность[1], незавершенность теоретического проекта в силу ряда причин[2]. С другой стороны, темы и интерпретационные конструкции, затрагиваемые Богданом Александровичем Кистяковским, Николаем Ивановиче Палиенко, Александром Семеновичем Ященко и Георгием Давидовичем Гурвичем, обладают действительно высокой степенью

[1] К сожалению, вопрос о специфике, об особенностях характеристики незавершенных теоретических концепций недостаточно исследован в науковедении. Занимаясь исследованием интегративного правопонимания на протяжении ряда лет, автор пришел к выводу о том, что не исторические обстоятельства, не социальные последствия революционных событий, а именно недостаточная проработанность, эскизность теоретической схемы исследования интегративного понимания права в дореволюционной правовой науке привела к тому, что достижения дореволюционных юристов в этой области являются до сих пор непризнанными. К такому выводу, констатируя противоречивость концепции интегративного понимания права в начале XX в., приходит и основатель школы интегративного понимания права проф. В.В. Ершов. Поэтому важно было подобрать термин, характеризующий эту наиболее значительную особенность развития интегративного правопонимания в России. В исследованиях по эстетике советского философа М. Лившица есть указание на термин non-finito (итал.), характеризующий специальную незавершенность образа художественного произведения, которая только подчеркивает замысел художника. Любая подобная незавершенность чужда науке, поскольку главным определяющим критерием научного творчества является истина, достижение ее в наиболее полном объеме. Единственным исключением могут в данном случае служить факты намеренного искажения научной истины в ходе работы с бактерией тифа, описанные в науковедении в связи с деятельностью в немецком концлагере известного чешского микробиолога и науковеда Л. Флека, выдававшего за незавершенную свою работу для того, чтобы открытие не досталось нацистам. Но применительно к теориям, которые не завершены и нуждаются в завершении, дополнительной теоретической проработке, данный термин вполне применим (См.: Леусенко Д.А. Исследовательская традиция российского нормативизма и полемика Б.А. Кистяковского и Л.И. Петражицкого: эффект non-finito в науке и трудности развития интегративного правопонимания // Мысль Л.И. Петражицкого и современная наука права. Материалы международной научно-практической видеоконференции. 2016. С. 271– 286). Л. Флек известен тем, что его работа на долгие годы предвосхитила труд Т. Куна «Структура научных революций», и в предисловии ко второму изданию Т. Кун вынужден был упомянуть работу Л. Флека (Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., Дом интеллектуальной книги, 1999).

[2] Теоретическая незавершенность проекта интегративистов была связана с фактическим разрушением в европейской теории познания учения о сущности и существовании, что в свою очередь отрицательно повлияло на становлении теории о социальной форме, форме социальных явлений. В силу особенностей становление гуманитарных наук в Европе сложилась парадоксальная ситуация: начала разработки понятия о форме, более всего необходимого правоведам, состоялось в социологических науках (точнее, антропологи – юристы по образованию, первыми обратили на значение социальных норм, а затем эстафету их изучения подхватили такие представители социологической науки, как Э. Дюркгейм и М. Вебер; еще точнее, знание части представителей социологической науки сформировалось в контексте обучения именно юридической профессии. Например, М. Вебер в 1882 году поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета, в 1886 году сдал квалификационный экзамен на адвоката, во второй половине 1880-х годов продолжил изучать право и историю, а в 1889 г. получил степень доктора юридических наук, защитив историко-правовую диссертацию о солидарной ответственности и раздельных капиталах в торговых компаниях итальянских городов; следует обратить внимание, что основополагающие понятия его теории также связаны с правом, речь идет о понятии «социального действия» и понимании государства как института, обладающего монополией на легитимное применение насилия, изложенные в известной работе «Политика как призвание и профессия» (1919); следует учитывать, что, будучи антипозитивистом, М. Вебер активно писал о формах, идущих из религии и культуры и оказывающих влияние на все жизненное пространство людей), тогда как понятие системы, системы права, необходимое социологам, получило развитие в юридической науке, и социологи приходили к пониманию общества как системы на протяжении всего XX столетия. Безусловным рубежом в этом отношении стали работы Т. Парсонса, первая из которых увидела свет в 1939 г., но Т. Парсонс утверждал представление о системных, «аналитических» началах общества на протяжении второй половины XX в., а позднее появились работы Н. Лумана, Э. Гидденса, подтвердивших его точку зрения.

новизны, являются, по сути, примером уже неклассической позиции в науке, которая начала развиваться в России в связи с творчеством этих авторов.

Новыми были и подходы к научной критике. Интегративисты подходили к исследованию природы права не с точки зрения того или иного принципа или идеи, а как к комплексному сложному объекту, понимание которого зависит от понимания природы общества и общественных отношений. Анализ природы социального взаимодействия способствовал тому, что перед читателем развертывалась не просто череда аргументов в пользу авторской позиции, а выстраивалась определенная объяснительная конструкция, взаимосвязь последовательностей, характеризующих прежде всего процесс социальных норм и отношение этого элемента общественных отношений к обществу в целом, значение нормы для осознания природы общества как целого. Именно в этом интегративисты предвосхитили представителей зарубежной социологической науки.

Иными словами, те подходы, те схемы, которые используются авторы для изучения природы права, непонятны современному читателю (непонятны прежде всего необходимостью нового, новым отношением к формулируемым научным постулатам и аргументам, формирующим представление о норме как элементе, частях целого, обращенных к обществу, элементе модели, объясняющей весь процесс, ведущий к образованию общества, когда описываемый элемент постепенно превращается в элемент теоретической конструкции, имеющий отношение к другим элементам теоретической конструкции, и вся она, под влиянием конкретных теоретических убеждений, исповедуемых в тексте автором, превращается в теоретическую модель исследуемого процесса, имеющего отношение к самому физическому, а точнее, социальному процессу), и это усугубляется тем, что и сами авторы-интегративисты не смогли сформулировать теоретически завершенную конструкцию. За пределами их теоретического горизонта оказался сам *механизм формирования нормы, осознание нормы как превращенной формы, возникновение идеальной природы права,* хотя и многие моменты, ведущие к подобному пониманию, являются сходными у интегративистов, вследствие того, что, с одной стороны, перед нами интерпретационная схема объекта исследования, то есть природы права, а, с другой, – этот объект непосредственно воздействует на формирующуюся схему исследования в том смысле, о котором писал Г. Дж. Берман. Согласно его точке зрения теория права очень сильно зависит от предмета своего исследования, «право содержит в себе и науку о праве – правоведение, то метаправо, с помощью которого его можно анализировать и оценивать» [2, с. 25]; воздействуя так объект «создает» те элементы структуры, те элементы понимающей, интерпретирующей схемы, которые будут раз из раза повторяться, проигрываться интегративистами и, они, соответственно, встречаются в текстах работ Б.А. Кистяковского, Н.И. Палиенко, А.С. Ященко в качестве сходных фрагментов. С другой стороны, продолжением единства подобной схемы интегративистов, защищавших истинность своих методологических позиций по поводу единства, интегративного понимания социальной и юридической природы права, является критика, с которой они выступали против Р. Штаммлера (а Б.А. Кистяковский, вне всякого сомнения, обрушивался на более известного в тот период Р. Штаммлера и «молодого автора» Г. Кельзена; и в данном случае, речь шла не столько о противоречащих взглядах, сколько о неверных выводах из одной достаточно сходной позиции; это была методологическая критика процесса, понимание которого было развернуто Г. Кельзеном от точки юридической природы права, но действие методологии в понимании природы права для Б.А. Кистяковского было именно невозможно по той же причине, поскольку от юридической природы права невозможно объяснить природу права в состоянии единства, синтеза или интеграции, в единстве социальной и юридической, природы права; подобная критика методолога по поводу того, что право не может восприниматься как инструмент совершенствования всего общества, является своего рода исповеданием и доказательством принадлежности точки зрения Б.А. Кистяковского к позиции интегративного правопонимания) и их совместная критика позиции Л.И. Петражицкого, которая была связана с другой принципиальной позицией по поводу природы коллективного восприятия, необходимого для складывания процесса правообразования, тех представлений, ко-

торые являются коллективными, и необходимо присутствуют в психике членов обществ для правообразования и являются индивидуальными для Л. И. Петражицкого, против чего возражали интегративисты.

Тема коллективной природы психической установки, влияющей на формирование права, является центральной для наиболее известной работы А.С. Ященко «Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства» [3]. В работах Н.И. Палиенко также звучит критика позиции Л.И. Петражицкого по поводу вектора его исследовательского поиска в анализе природы права, связанного с эмоциональной, а не интеллектуальной сферой. «Нам собственно непонятно, почему именно специфическая природа права должна быть отыскиваема не в области интеллектуальной, а эмоциональной», – отмечает Н.И. Палиенко, указывая на «социальную массовую, коллективно-психологическую природу» права [4, с. 223]. Кроме того, Н.И. Палиенко привлек внимание научного сообщества к проблеме сущности и существования в развитии права.

Как отмечает В.М. Сырых, «предметом критики выступает два вида знаний: абсолютно новое положение и наличное знание науки, разного рода точки зрения, позиции, высказанные другими авторами» [5, с. 319]. Применительно к представителям интегративного понимания можно говорить о том, что их критика была посвящена как обсуждению вновь возникших областей научного знания, так и осмыслению позиций других авторов по вопросу о природе права. Для нее были характерны и «оценка состояния научных исследований» по проблеме, и характеристика значимости той или иной работы автора, и раскрытие идей правовых школ предшественников, особенно представителей школы естественного права, и объяснение взаимосвязи между процессами «становления и развития политических и правовых учений» и объективной социальной, исторической реальностью тех стран, в которых сформировались мировоззренческие концепты [5, с. 319].

Исследователи выделяют исходный, или синкретический, уровень критики, или так называемый уровень усвоения, когда процесс и содержание критики связаны с уяснением общих законов развития исследуемого объекта, накоплением знаний о нем и корреляцией формирующегося знания с имеющимися в научном познании понятиями. Вопрос о специфике формирования понятий в теории права в рамках познания природы права, об их соотношении с изучаемым объектом исследования является одним из определяющих для работ авторов-интегративистов, прежде всего, для Б.А. Кистяковского. Именно в этом отношении интегративисты продвинулись дальше всего, сформулировав представления о конструируемой интерпретирующей теории, теоретической конструкции, моделирующей закономерности развития процесса. По сути, постановка вопроса о роли нормы в развитии методологии социального знания есть предварительная постановка вопроса о подобном соответствии выдвигаемой, конструируемой теории и реального процесса развития права (равно как и его представления о праве как понятии).

Следующим уровнем критики является рациональный уровень критики, или уровень логического развертывания содержания объекта исследования. Как отмечает Г.В. Хомелев, «на этой ступени логические формы и средства являются основными, и именно здесь вступает в свои права движение логического опосредования как средства развертывания возможностей дискурсивного позитивного и негативного (т.е. критического) мышления» [6]. При этом для интегративистов принципиально важен объект исследования: что они изучают и в каком отношении изучаемый ими объект находится к предыдущим теориям и какой метод можно сформулировать на основе его анализа.

Логическое опосредование, являясь инструментом критики, реализуется в трех основных формах: 1) в исследовании предпосылок или, более конкретно, условий, создавших необходимость в тех или иных предпосылках определенных направлений, школ, концепции; 2) в процедурах подтверждения и обоснования, включая необходимые моменты таких его противоположных и взаимосвязанных логических процессов, как утверждение и возражение, обоснование, подтверждение, верификация и фальсификация, доказательство и опровержение; 3) в установлении отношения понятия (абстрактно-всеобщего и идеального) к своему предмету (конкретно-всеобщему и реальному) [6].

В полной мере все вышеперечисленные элементы научной критики характерны для теоретических построений Б.А. Кистяковского, А.С. Ященко и их критики Л.И. Петражицкого, представителя школы русской социологии Н.К. Михайловского.

И Б.А. Кистяковский в рамках формирования исследовательской площадки анализа природы общества, и А.С. Ященко, относительно проблемы коллективного и индивидуального (и нормы), так или иначе подходят к изучению проблемы реальности общества и права (общество, реальность общества в данном случае выступает в качестве первоначальной исследовательской площадки, являющейся основой интерпретации синтезной, точнее интегративной природы права[1]), поскольку именно постулирование проблемы реальности права позволяет высказать теоретическую позицию, развивающую интегративное правопонимание. В определенном смысле сама постановка вопроса о реальности права и общества способствует восприятию того, что исследуемые ими факты находятся в определенном взаимодействии и их взаимосвязи могут быть интерпретированы на основании этого особого отношения формируемой теории к исследуемой ею действительности. Это как бы предполагается авторами, в различных частях текста они обращают на это отношение внутреннего и внешнего (характеристика нормы у А.С. Ященко, постановка проблемы о роли нормы в теории социальных наук у Б.А. Кистяковского).

Действительно, каждый из них движется своим путем, но в постановке проблемы реальности правовых и общественных феноменов так или иначе они исходят из позиции анализа, из позиции рассмотрения нормы. Иными словами, перед нами не просто система, которая формируется через состояние описания и повторения феномена в терминах системы, но такая природа нормы, понимание которой на тот момент отсутствовало в социальных науках и, в равной степени, отсутствовало понимание механизма формирования нормы в социальных науках[2], который может схватываться теорией на уровне конструкции и моделирования механизма формирования нормы в теории[3]: как только

---

[1] Термин «интегративная природа» права в большей степени отражает взаимосвязи, возникающие между обществом и структурами, формами, им производимыми, в качестве необходимых элементов взаимодействия и социального контроля, в процессе «производства» права, и в наибольшей степени отражает то содержание, когда работа первоначальных факторов, способствующих возникновению права, обеспечивает работу последующих факторов и закономерностей развития права. При этом право в силу его интегративной природы есть тот феномен, который обладает подобным «интегративным» единством. Иными словами, нужно понимать, что подобное единство есть результат взаимодействия сопокупности интегрирующихся, интегрируемых и интегрирующих элементов. Такая характеристика интегративного понимания представлена в статье С.Н. Бабурина (См.: Бабурин С.Н. Необходимое условие успешности правоприменения при межгосударственной интеграции // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 2. С. 5-11.

[2] Сформировав первоначальную исследовательскую позицию реальности (чем, собственно, и создав условия для понимания их концепций уже как неклассических), интегративисты не осознавали механизм формирования нормы до конца, в русле теоретической конструкции, но отдельные элементы, особое отношение, которое порождала теоретическая конструкция, а, точнее, исследуемые в ней элементы, по отношению к реальности, ими осознавались. В их работах сложилось первоначальное видение, первоначальное осознание особой природы общества и понимание необходимости выработки теоретической площадки исследования – «аналитической», как потом позднее написал Т. Парсонс, природы общества, способствующей пониманию того, что подобная природа порождает и особенные отношения с системой, ее изучающей.

[3] Ярким примером подобного понимания площадки исследования природы нормы может служить высказывание известного социолога XX в. А. Шюца, о том, что «идеальные объекты, сконструированные обществоведом для познания этой социальной реальности, должны извлекаться из идеальных объектов, сконструированных обыденным сознанием людей, живущих своей повседневной жизнью в своем социальном мире», именно подобное содержание по отношению к феноменам общества отстаивал А.С. Ященко. Важный вклад в развитие онтологии и понимания природы идеальных объектов внес выдающийся онтолог Н. Гартман, творчество которого получило известность в СССР в 60-е гг. XX в., но не было достаточным образом изучено, и сегодня философы санкт-петербургской философской школы возвращаются к изучению его наследия. В 2017 г. в СПБГУ прошла конференция, посвященная Н. Гартману. См.: Леусенко Д.А. Николай Гартман и развитие исследовательских предпосылок анализа интегративности права [Электронный ресурс]
/ URL / https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2017/gartman/leusenko.pdf

мы вовлекаем в теорию наше понимание о реальности общества, как только мы формулируем методологическую и теоретическую ситуацию (на уровне подготовленной площадки исследования реальности нормы и общества) исследования реальности, тут же перед нам раскрывается та terra incognita, тот на самом деле грааль для социологической науки, который первыми открыли теоретики интегративного понимания права в России, и который затем открыли заново западные социологи.

Но пути развития науки в России в XX в. были весьма сложными, и сходное, единое методологическое начало пути, отстаиваемое, как показывает практика становления теоретических конструкций интегративистов в России, и их критика известных западных исследователей для развития правопонимания, необходимое для понимания истинного контекста и содержания интегративной теории права, истинного отношения данной теории к социальной и правовой действительности, истинное начало теории права было утеряно, и вновь мы обращаемся к западным специалистам в поисках ответов на те вопросы, которые были уже найдены (пусть и не в полной мере, пусть и не до конца, но в безусловно ясной и осознаваемой, представленной в тексте, методологической, теоретической позицией) в российской правовой науке.

Начала подобного понимания в теории интегративного правопонимания позволяют по-новому взглянуть на рассмотрение нормы права, обратить наше внимание на то, что норма рождается в процессе превращенности определенного, позитивного для всего сообщества, содержания в операциональную форму. Подобный позитивный смысл для всего сообщества старается представить через парадигму коллективного психического и полемику с Л.И. Петражицким А.С. Ященко. Особая природа нормы и ее особое значение для социологической теории было подмечено М. Вебером, и есть все основания предположить, что он почерпнул этот ракурс рассмотрения проблемы из кандидатской диссертации Б.А. Кистяковского. К сожалению, у Б.А. Кистяковского в силу присутствия в его теоретической конструкции кантовской познавательной установки вопрос о форме не решен, точнее, он отказывается от его решения, но подробно рассматривает его в кандидатской диссертации, и далее, Т. Парсонс после знакомства с работами М. Вебера в Гейдельберге, создал на базе анализа нормы свою систему социального знания.

Исследовательская ситуация, связанная с анализом работ отечественной коллаборации интегративного правопонимания, формирует в свою очередь исследовательскую ситуацию, в которой сформировалась современное интегративное правопонимание, влияет на содержание исследований, посвященных истории теоретических конструкций, посвященных интегративной природе права. Non-finito, незавершенность теоретической конструкции интегративного понимания права оказывает воздействие и на процесс исследования теоретической конструкции, и на оценку результатов достижений интегративистов, а также распространяется на содержание критики в адрес представителей зарубежной правовой мысли. Б.А. Кистяковский подходит к этому с точки зрения методологической постановки вопроса о социальной норме и значении нормы для методологии социальных наук (включая юридическую науку) и по сути стоит у истоков деконструкции социальной нормы ради построения теоретической системы социального знания. Теоретическая позиция А.С. Ященко связана с осмыслением этического начала в жизни права, как практического процесса в формировании права, и далее – роли религиозного начала, что породило формулировку систетической позиции восприятия природы права (отчасти, само появление подобной формулировки связано с влиянием философии права В. Соловьева и его теории всеединства), которая, скорее, дезавуировала понимание интегративного понимания права у современных правоведов, нежели способствовала его пониманию. Определяющим же было то, что за пределами восприятия оставался механизм развития нормы, значение сформировавшейся операциональной формы в психике членов сообщества для процессов социо- и правогенеза.

Литература

1. *Шапсугов Д.Ю*. О концепции научной критики в юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 146 – 156.
2. *Берман Г. Дж*. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. *Ященко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, Тип. Маттисена, 1912. 852 с.
4. *Палиенко Н.И*. Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства. Харьков: Тип. и Литогр. М. Зильберберггъ и С-вья, 1908. 342 с.
5. *Сырых В.М*. История и методология юридической науки. М., Норма: ИНФРА-М, 464 с.
6. *Хомелев Г.В.* Философские основания научной теории критики: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. Санкт-Петербург, 2004. 326 с.

Leusenko Dmitry Aleksandrovich, Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: Id08@yandex.ru

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE THEORY OF SCIENTIFIC CRITICISM IN THE ENVIRONMENT OF REPRESENTATIVES OF RUSSIAN COOPERATION INTEGRATIVE UNDERSTANDING OF LAW AT THE BEGINNING OF XX S. (TO THE 150 ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF N.I. PALIENKO AND TO THE 85 ANNIVERSARY OF THE DEATH OF A.S. YASHCHENKO)

Abstract

The article considers the formation of the foundations of scientific criticism in the environment of collaboration of prominent representatives of Russian legal thought. The author pays attention to the problem of perception of elements of theoretical positions of representatives of the Russian integrativism against the background of the analysis of the reasons of the theoretical difficulties of integrativists influencing incompleteness of their project and consideration of the leading themes of methodological discussions of B. A. kistyakovsky, N. I. Palienko, A. S. Yashchenko with G. Kelzenym, R. Shtammler. The scientific literature devoted to the content of the basic problems of scientific criticism in relation to the General theoretical constructions of integrativists is analyzed and the conclusion is made about the significant contribution of representatives of integrative law understanding to the development of domestic and foreign legal science.

Key words: *scientific criticism, collaboration, integrativism, interpretation, transformed form, social norm, essence and existence, reality of law, deconstruction, sociogenesis, lawogenesis.*

References

1. SHapsugov D.YU. O koncepcii nauchnoj kritiki v yurisprudencii // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2019. № 3. S. 146 – 156.
2. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya. M., 1998.
3. YAshchenko A.S. Teoriya federalizma: Opyt sinteticheskoj teorii prava i gosudarstva. YUr'ev, Tip. Mattisena, 1912. 852 s.
4. Palienko N.I. Uchenie o sushchestvѣ prava i pravovoj svyazannosti gosudarstva. Har'kov: Tip. i Litogr. M. Zil'berberg" i S-v'ya, 1908. 342 s.
5. Syryh V.M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoj nauki. M., Norma: INFRA-M, 464 s.
6. Homelev G.V. Filosofskie osnovaniya nauchnoj teorii kritiki: dissertaciya ... doktora filosofskih nauk: 09.00.01. Sankt-Peterburg, 2004. 326 s.